

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ГОД
ИЗДАНИЯ
ШЕСТОЙ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Д
В
У
У
Х
М
Е
С
Я
Ч
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

ОРГАН
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 4

СОЦЭКГИЗ 1934

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. Караваев — За скорейшее разрешение животноводческой проблемы	3
М. Мартыновская К некоторым вопросам колхозного накопления	20
И. Файнгар — Господство монополистического капитала в послевоенной Германии	49
А. Сидоров — Положение городской мелкой буржуазии Германии в период общего кризиса капитализма	68
Л. Зиман — Размещение производительных сил в СССР и буржуазные экономисты	87
Р. Вайсберг — Институт экономики коммунистической академии	101
ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	
И. Бровер — Теория стоимости Г. Плеханова	111
КОНЪЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	
А. Амо — Современная конъюнктура капиталистических стран	125
НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР	
Я. М. — Полугодие большого подъема	141
А. Малинин и А. Потяев — Пищевая промышленность во втором пятилетии	147
Б. Буханевич. Проблема уплотнения рабочего дня	159
БИБЛИОГРАФИЯ	
А. Абрамов — Советская торговля между XVI и XVII съездами ВКП(б)	166
Мих. Кобелев — Е. Варга. Новые явления в мировом экономическом кризисе	167
Я. С. — Обзор новейшей буржуазной экономической литературы	172

Редколлегия: Бутаев К. (ответственный ре. актор), Вознесенский И., Гатовский Л., Кривичкий М., Партигул С., Шурьгин В.

Сдано в производство II/VIII—5/X 1934 г.
Подписано к печати 20/X 1934 г.
Чполн. Главлита Б — 39180
Исполняющий В. Цветков

Формат 72×105¹/₁₆
Созэкгиз № 1425 (II) Зак. тип. 2026
Объем 11 печ. лист. 67.000 зн. в п. л.
Тираж 13200 экз

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. М. БРОВЕР

Теория стоимости Г. Плеханова

В теории стоимости Плеханова мы наталкиваемся на целый ряд отступлений от марксизма. Плеханов не понимает ни внутренних противоречий простого товарного производства, ни его отношения к капиталистическому производству.

«Всякий обмен,—говорит Плеханов,—имеет смысл лишь до тех пор, пока производительный механизм общества состоит из отдельных, не связанных органически частей, т. е. когда труд производителя имеет не общественный, а индивидуальный характер»¹.

В этом абсолютном противопоставлении общественного характера труда частному ярко сказалась склонность Плеханова к метафизике, непонимание им диалектики, как учения о единстве противоположностей. Механистически-метафизическое представление о труде товаропроизводителей как об исключительно индивидуальном (частном) труде, исключающем общественный его характер, сразу лишило Плеханова возможности понять простое товарное производство в его развитии, в его «самодвижении».

Не поняв противоречия частного и общественного в простом товарном производстве, Плеханов естественно не мог понять и исторического значения простого товарного производства как предпосылки капиталистического способа производства, не мог понять диалектики превращения простого товарного производства в капиталистическое. Он то представлял их как два самостоятельных способа производства, из которых первый только по времени предшествует второму, то фактически отождествлял их, растворяя простое товарное производство в капиталистическом. Непонимание Плехановым противоречивого характера простого товарного производства неизбежно толкало его с позиций марксизма на позиции меновой концепции, разделяемой, как известно, всеми теоретиками II Интернационала, противопоставляемой ими производственной, материалистически-диалектической концепции Маркса—Ленина и составляющей одну из методологических основ проводимой ими ревизии экономического учения Маркса, его теории пролетарской революции и крушения капитализма.

Плеханов подобно другим теоретикам II Интернационала видит в обмене единственную общественную связь между товаропроизводителями. «При буржуазном порядке вещей², говорит он,—производители совершенно независимы один от другого. Средства производства составляют частную собственность произво-
дителей»

¹ Соч., т. II, стр. 238; разрядка моя — И. Б.

² Разрядка моя. — И. Б.

л ей, точно так же как и изготовляемые с их помощью продукты. При таком положении дел о б м е н является единственной общественной связью между производителями... Только вывозя свой продукт на рынок и обменивая его на другие, производитель получает возможность удовлетворять своим собственным потребностям. Таким образом продукты б у р ж у а з н ы х п р о и з в о д и т е л е й с т а н о в я т с я т о в а р а м и »³.

Этот отрывок интересен не только для характеристики плехановского понимания производственных отношений простого товарного производства, но и для характеристики его понимания капиталистических отношений, а также отношения простого товарного производства к капиталистическому. Из приведенного отрывка совершенно ясно видно, что не только связь между простыми товаропроизводителями, но и общественная связь между «буржуазными производителями» существует, по Плеханову, только в обмене, что следовательно и капиталистические производственные отношения являются, по Плеханову, отношениями м е н о в ы м и. Действительно буржуазное отношение производства, выражающееся в категории «капитал», характеризуется, по Плеханову, тем, «что в обмен на средства к жизни рабочий продает предпринимателю свою рабочую силу, которая и употребляет в дело запасенные ее покупателем производительные средства»⁴. Отношения между капиталистами и рабочими представляются Плеханову таким образом, точно так же как и Гильфердингу, Реннеру, Рубину и иже с ними, отношениями обмена, качественно ничем не отличающегося от обмена между простыми самостоятельными товаропроизводителями. Что Плеханов действительно не видит никакого к а ч е с т в е н н о г о различия между простым товарным производством и капитализмом, видно из того, что, говоря о «б у р ж у а з н о м п о р я д к е в е щ е й» и о «б у р ж у а з н ы х п р о и з в о д и т е л я х», он все же считает их с о в е р ш е н н о н е з а в и с и м ы м и друг от друга и полагает, что средства производства и изготовляемые с их помощью продукты составляют с о б с т в е н н о с т ь с а м и х п р о и з в о д и т е л е й, забывая что необходимой предпосылкой капиталистического способа производства является о т д е л е н и е н е п о с р е д с т в е н н ы х п р о и з в о д и т е л е й о т с р е д с т в п р о и з в о д с т в а. Недаром Ленин в своих «Замечаниях на первый проект Плеханова» (проект программы РСДРП — И. Б.) отмечает, что в этом проекте «процесс отделения производителя от средств производства не указан»⁵.

Правда, в другом месте Плеханов обнаруживает как будто более правильное понимание отношения простого товарного производства к капиталистическому. «Хотя общество товаропроизводителей,—говорит он,—и не есть н е п р е м е н н о капиталистическое общество, но полного развития своего товарный способ производства достигает только тогда, когда превращается в капиталистический способ, т. е. тогда, когда т р у д с т а н о в и т с я т о в а р о м »⁶.

Здесь, если не обращать внимания на то, что простое товарное производство названо «товарным способом производства» и что товаром назван труд, а не рабочая сила, Плеханов как будто признает и то, что простое товарное производство исторически предшествует капиталистическому и превращается в него, и то, что основным отличием капиталистического производства от простого товарного является превращение рабочей силы в товар. Но поскольку у него превращение рабочей силы в товар не обусловлено отделением производителя от средств производства, постольку он превращение

³ Соч., т. VI, стр. 79—80.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ Ленин, Соч., т. V, стр. 6.

⁶ Плеханов, Соч., т. VI, стр. 91.

простого товарного производства в капиталистическое представлял лишь как количественное изменение, «усложнение», как он сам выражается, м е н о в ы х о т н о ш е н и й, а не создание качественно новых производственных отношений. Отношения между капиталистами (которых он, подобно другим теоретикам II Интернационала, предпочтительно именует «предпринимателями», или «нанимателями», выхолащивая тем самым их классовую характеристику) и рабочими ограничиваются, по Плеханову, исключительно сферой обмена, в сфере же производства рабочие состоят в определенных отношениях уже не к капиталистам, а к «накопленным ими (капиталистами) средствам производства и друг к другу».

Недаром в работе, посвященной критике политико-экономических взглядов Чернышевского, Плеханов после теории стоимости и денег не посредственно переходит к капиталу, под которым он понимает выраженные меновых отношений между рабочими и капиталистами, затем к заработной плате и лишь после этого к прибавочной стоимости. В главе же, посвященной прибавочной стоимости, он рассматривает не процесс производства ее, а ее распределение между капиталистами. Критикуя политико-экономические взгляды Воронцова, Плеханов совсем обходит вопрос о прибавочной стоимости, и подобно тому как это делает позже Рубин, переходит от теории стоимости не посредственно к теории цен производства. Ибо именно в превращении стоимости в цены производства он и усматривает проявление того «усложнения» отношений между товаропроизводителями, которое явилось результатом превращения «труда» в товар. Наконец именно на Плеханова как на одного из «авторитетных представителей марксизма» наряду с Р. Люксембург и Гильфердингом ссылается Рубин, пытаясь отразить этой ссылкой критику его меновой концепции, его попыток протащить контрреволюционный меньшевизм под видом разработки теории Маркса⁷.

В вопросе о превращении простого товарного производства в капиталистическое Плеханов несомненно придерживался механистической концепции движения, а не диалектической⁸. Он оставляет в тени само движение, источник этого движения. Он даже не ставит вопроса о двигательной силе, определившей превращение простого товарного производства в капиталистическое. Не поняв противоречивого характера простого товарного производства, Плеханов и не мог понять, как рабочая сила («труд», по Плеханову) превращается в товар, не мог понять, что превращение рабочей силы в товар является неизбежным результатом развития простого товарного производства, результатом неизбежного при товарном производстве разложения товаропроизводителей на противоположные классы капиталистов и рабочих, результатом разорения и экспроприации огромной массы мелких самостоятельных производителей.

Исходя из своей меновой концепции товарно-капиталистических отношений, Плеханов свел задачи социалистической революции исключительно к изменению способа распределения, полагая, что способ производства сам собою, а в том а т и ч е с к и превращается в социалистический. Он поэтому социалистическую революцию рассматривал фактически лишь как завершение ряда реформ. Тем самым он сошел с позиций революционного марксизма на позиции мелкобуржуазного реформизма.

Не поняв противоречивого характера простого товарного производства и его действительного отношения к капитализму, Плеханов естественно не понял также и противоречивого характера товара. Он начинает анализ

⁷ Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса изд. 4-ое, стр. 256;

⁸ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 302.

капиталистических производственных отношений не с анализа товара, не с вскрытия заложенных в нем противоречий, а с анализа стоимости. А так как капиталистические отношения Плеханов понимает как «усложненные» лишь меновые отношения, то он считает не учение о прибавочной стоимости, а учение о стоимости «краеугольным камнем науки о законах буржуазного хозяйства», разделяя в этом вопросе позиции всех теоретиков II Интернационала, равно как и позднейших механистов и меньшевистствующих идеалистов.

Примечание: Согласно Гильфердингу например сама «задача политической экономии заключается в том, чтобы найти закон обмена»... По Рубину «Капитал представляет разновидность стоимости, потому что производственное отношение между капиталистом и рабочим происходит в форме отношения между равноправными производителями, автономными субъектами хозяйства»... (цит. соч. стр. 81).

Бухарин также неоднократно и самым категорическим образом утверждает, что «основным вопросом политической экономии, начиная с самого ее возникновения и до последнего времени, был и есть вопрос о ценности», что учение о ценности было краеугольным камнем политической экономии Смита, Рикардо и Маркса, что «краеугольными камнями всего здания теоретической политической экономии, т. е. теории хозяйства в его капиталистической форме, основными понятиями всей системы были понятия: товар, ценность, цена»⁹.

Между тем Ленин подчеркивал, что именно «учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень в экономической теории Маркса»¹⁰.

Конечно учение о товаре и в частности о стоимости имеет огромное значение в экономической теории Маркса, поскольку оно, вскрыв внутренние противоречия простого товарного производства, показало неизбежность превращения его в капиталистическое, выяснило вопрос об историческом происхождении капитализма и тем самым доказало исторически преходящий характер этого способа производства, который буржуазные экономисты рассматривали как вечный и неизменный.

Марксово учение о стоимости не только открыло основной экономической закон простого товарного производства и превращения его в производство капиталистическое, но легло в основу его учения о прибавочной стоимости, поскольку в основе самой прибавочной стоимости лежит закон стоимости. Учение Маркса о стоимости не только показало неизбежность разложения самостоятельных мелких производителей на противоположные классы капиталистов и рабочих, но показало также, что именно действие закона стоимости в отношениях между капиталистами и рабочими, поскольку первые выступают как покупатели, а вторые как продавцы рабочей силы, обуславливает возможность присвоения капиталистами прибавочной стоимости. Тайну прибавочной стоимости Маркс открыл таким образом не в нарушении, а, напротив, в действии закона стоимости, но действии его в новых условиях, в условиях отделения непосредственного производителя от средств производства, обуславливающего превращение рабочей силы в товар. Мало того, самый обмен между рабочим и капиталистом на рынке труда, само отношение их как продавца и покупателя обусловлено отношениями их как эксплуататора и эксплуатируемого, обусловлено превращением процесса производства в производство прибавочной стоимости и присвоением этой прибавочной стоимости капиталистами. Закон стоимости продолжает, следовательно, проявляться в прибавочной стоимости, превращается в закон прибавочной стоимости соответственно тому, как простое товарное производство превращается в производство капиталистическое.

⁹ Н. Бухарин. «Политическая экономия рантье» стр. 60, 61; Экономика переходного периода» стр. 21.

¹⁰ Ленин; Соч., т. XVI, стр. 351. разрядка моя.

Плеханов не только не дооценивает, но прямо игнорирует марксово учение о прибавочной стоимости, объявляя «краеугольным камнем науки о законах буржуазного хозяйства» учение о стоимости. И если Плеханов не сделал из этого своего утверждения в с е х вытекающих из него выводов, если он не дошел, подобно теоретикам социал-фашизма, до п р я м о г о отрицания эксплуатации рабочих капиталистами, то все же и он, во-первых, не понял самого существа капиталистической эксплуатации, усматривая последнюю только в процессе купли-продажи рабочей силы. «Развитое товарное производство,— говорит он,— приводит... к превращению рабочей силы в товар, к ее продаже и покупке, т. е. к е е э к с п л о а т а ц и и»¹¹, во-вторых, он, подобно всем теоретикам II Интернационала, видел противоречие классовых интересов капиталистического общества только в области распределения, а не в области производства. Отсюда у него «социалистический переворот будет состоять в изменении способа распределения продуктов»¹². В-третьих, трактуя отношения между рабочими и капиталистами как отношения обмена, он опять-таки, подобно другим теоретикам II Интернационала, смазывал классовую характеристику капиталистов, превращая последних в «нанимателей», «предпринимателей», тем самым заменяя п р о т и в о п о л о ж н о с т ь классовых интересов их простым различием и обуславливая возможность классового мира.

* * *

В то время как, по Марксу, стоимость есть выражение, заключающееся в частных продуктах специфического общественного труда в товарном хозяйстве и следовательно является категорией исторической, выражающей исторические специфические отношения простого товарного производства,— Плеханов считает стоимость категорией в е ч н о й, противопоставляя ей м е н о в у ю стоимость как историческую форму проявления стоимости. Критикуя Воронцова например, Плеханов пишет: «Выходит, что есть такие ступени общественного развития, на которых п о н я т и е о ценности находится в зародышевом состоянии. Это ли хочет сказать г. Воронцов? Или мы плохо его понимаем? Может быть он имеет здесь в виду не п о н я т и е о ценности, а самый «феномен» ее? Но ведь стоимость («ценность») — «это сумма затрат производительных сил, требующихся для доставления человеку данного предмета». Неужели этот «феномен» является лишь при более или менее сложной организации общества, неужели есть такие ступени общественного развития, на которых эта «сумма» находится в зародышевом состоянии? Если да, то какие это ступени? Дикое состояние? Да разве же дикири не тратят труда на приготовление нужных для них предметов, раз эти предметы не встречаются готовыми в природе? Производительные силы дикарей н и ч т о ж н ы, н о т е м б о л ь ш е г о труда стоят им эти предметы; число этих предметов крайне ограничено, но из этого ни в каком случае не следует, что их т р у д о в а я стоимость находится в зародышевом состоянии»¹³.

Итак, прегрешение Воронцова состоит, по Плеханову, в том, что он недостаточно категорически признает вечный характер стоимости. Между тем вечное существование стоимости, по мнению Плеханова, с полной не-

¹¹ Плеханов, Соч., т. VI, стр. 107.

¹² Соч., т. III, стр. 53.

¹³ Соч., т. IX, стр. 83—84.)

сомненностью вытекает из того, что «стоимость... определяется количеством труда», необходимого для производства продукта, а последние всегда стоили и будут стоить производителю определенного количества труда.

«Разве, — спрашивает он, — стоимость производства предмета не сводится теперь, как всегда сводилась и как всегда будет сводиться, к количеству труда, нужного на выделку данного продукта?»¹⁴.

Признание стоимости вечной категорией таким образом тесно связано у Плеханова с механистическим, чисто количественным, пониманием стоимости, с отождествлением субстанции стоимости и ее величины с тем, что стоимость определяется им как «отношение общественной рабочей силы к общественной потребности»¹⁵. Неудивительно поэтому, что, полемизируя против австрийской школы, выводящей стоимость из степени полезности продукта, Плеханов признает однако вслед за нею существование стоимости даже в воображаемом изолированном хозяйстве пресловутого Робинзона, столь излюбленного буржуазной политической экономией вообще и австрийской школой в частности.

«Пока, — говорит он, — изготовление двух данных предметов будет стоить субъекту изолированного хозяйства одинаковой затраты труда, до тех пор они не перестанут иметь для него одинаковую трудовую ценность»¹⁶.

Правда, в той же работе, посвященной критике Воронцова, Плеханов сам подчеркивает исторический характер стоимости.

«Так, он пишет: «Как ни «существенно» это отношение (отношение общественной рабочей силы к общественным потребностям — И. Б.), оно не может быть названо вечным и неизменным, во-первых, потому, что изменяется производительность общественного труда, а, во-вторых, потому, что общественная потребность, сегодня признаваемая насущною, завтра может перестать признаваться таковою»¹⁷.

Но как раз из этого обоснования «исторического» характера стоимости становится еще более ясным, что Плеханов, во-первых, отождествлял субстанцию стоимости с ее величиной и, во-вторых, считал стоимость, по существу, вечной категорией, ибо, как бы ни изменялось «отношение общественной рабочей силы к общественным потребностям», очевидно, первая всегда находится к последним в каком-то определенном отношении.

Механистически, чисто количественно понимая стоимость как вечную категорию, Плеханов точно так же механистически понимает образующий стоимость труд, который представляется ему таким же внеисторическим, как и сама стоимость.

«Каким образом труд мебельщика может быть сравниваем с трудом суконщика? — спрашивает он. Ведь это совершенно различные виды производительной деятельности. Что общего между ними? Общее между ними, то, что и тот и другой вид производительной деятельности, при всех своих различиях, сводится в сущности к одному и тому же: к известному расходу человеческой силы, к известной работе мускулов и нервов. Следовательно равенство: 1 стул = 1 аршину сукна доказывает, что на приготовление стула потрачено столько же человеческой силы, сколько на приготовление аршина сукна»¹⁸.

¹⁴ Соч., т. VI, стр. 97—98.

¹⁵ Соч., т. IX, стр. 86.

¹⁶ Соч., т. XI, стр. 356.

¹⁷ Соч. т. IX, стр. 86.

¹⁸ Соч., т. VI, стр. 81.

Плеханову, может быть, казалось, что он излагает здесь марксову теорию двойственного характера труда, производящего товары, теорию, которую сам Маркс считал «самым лучшим» в «Капитале», на которой, по его выражению, «покоится все понимание фактов»¹⁹, к которой «тяготеет понимание политической экономии» (Маркс). В действительности однако он совершенно не понял этого открытия Маркса, не понял и экономической сущности абстрактного труда как труда, образующего стоимость.

Конечно не в том дело, что Плеханов не употребляет самих терминов «конкретный труд» и «абстрактный труд» (хотя и это несомненно характерно, тем более, что он не заменяет их никакими другими, и тем самым отказывается как бы и от выражающихся в них отношений), а в том, что он сводит труд, образующий стоимость, исключительно к физиологическому содержанию, лишив его всякого общественно-экономического содержания, а тем самым и всякой исторической определенности. Между тем как, по Марксу, «лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства справедливо, что специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что они принимают форму стоимости продуктов труда»²⁰, Плеханов видит в образующем стоимость труде лишь голое физиологическое равенство, совершенно независимое от какой бы то ни было определенной исторической формы производства. И если он не останавливается на двойственном характере труда, производящего товары, то просто потому, что не усматривает в нем никакой экономической двойственности, точно так же как он не понимает противоречивого характера простого товарного производства вообще.

Какое экономическое содержание вкладывает Плеханов в закон стоимости?

Приводя отрывок из «Очерков теоретической экономии» Воронцова, в котором говорится о необходимости регулировать производство путем пропорционального распределения производительных сил между отдельными отраслями производства и о том, что стоимостью является как раз таким регулятором, Плеханов вполне соглашается с ним, но полагает, что Воронцов недостаточно ясно выразил свою мысль, и потому дает ей свое довольно пространное объяснение. Не останавливаясь на этом объяснении, посмотрим каким образом решается, по Плеханову, задача пропорционального распределения труда между отдельными отраслями производства, или, — что, по Плеханову, одно и то же, — каким образом осуществляется закон стоимости?

В этом отношении, — говорит Плеханов, — надо различать товарное (неорганизованное) производство и коммунистическое (организованное).

Буржуазные производители, — говорит Плеханов в своей работе о Чернышевском, — не знают и не могут точно знать общественных потребностей ни с количественной, ни с качественной стороны, из чего проистекают «все те многочисленные опасности, которые угрожают продуктам буржуазных производителей на рынке». Если даже данный продукт всегда нужен обществу и производители его «не могут ошибиться относительно качественной стороны общественных потребностей», то они все же остаются в неизвестности относительно необходимого обществу количества этих продуктов. Поэтому часто оказывается, что тех или иных продуктов произведено больше или меньше, чем нужно. Если какого-нибудь продукта произведено больше, чем нужно, то цена его упадет

¹⁹ Маркс и Энгельс, Письма, 1931 г., стр. 198.

²⁰ «Капитал», т. I, стр. 33; разрядка моя.

«и это покажет, что слишком большая доля всей суммы общественного рабочего времени потрачена в форме производства нашего продукта. Наказанные падением цены их продукта производители постараются вперед лучше сообразоваться с размером удовлетворяемой ими общественной потребности; они должны будут позаботиться о том, чтобы на производство их продукта тратилась как раз та доля всей суммы общественного рабочего времени, какая должна тратиться на это при существующих обстоятельствах». Обратное произойдет в том случае, если данного продукта будет произведено меньше, чем нужно. «Таким образом, — заключает Плеханов, — колебание цен указывает на анархическое состояние буржуазного производства, но в то же время оно является регулятором его, и притом единственным и необходимым регулятором. Если бы цены не колебались и если бы каждый отдельный производитель мог без дальних околичностей обменивать свой продукт на другой сообразно тому количеству времени, какое на него затратил, то существование буржуазного общества сделалось бы совершенно невозможным: оно тотчас же пало бы жертвой самой невероятной путаницы в производстве. Продукты могли бы непосредственно обмениваться на другие продукты по количеству времени, затраченного на их изготовление, только в том случае, если бы общественное производство было организовано и велось по определенному плану. Тогда труд каждого отдельного производителя всегда имел бы общественный характер, потому что всегда создавал бы только нужные для общества продукты, только «общественные потребительные стоимости». Тогда труд каждого из них непосредственно имел бы «стоимостеобразующий» характер. Но дело в том, что тогда «обмен товаров на рынке отошел бы в область предания»... Закон стоимости таким образом является, по Плеханову, регулятором пропорционального распределения труда между отдельными отраслями производства и при том не только в капиталистическом обществе, но и в коммунистическом. Но если в товарно-капиталистическом обществе закон стоимости действует посредством колебания цен, отклонения их от стоимости, то в коммунистическом обществе он действовал бы непосредственно и, так сказать, в чистом виде благодаря планомерной организации производства. При товарном производстве производители не знают и не могут знать, в каких продуктах нуждается общество и в каком количестве этих продуктов, они узнают об этом лишь наблюдая колебания цен вокруг стоимости, т. е. *post factum*, но именно эти колебания цен дают правильное направление их производительной деятельности, так что в конце концов устанавливается соответствие между количеством общественного труда, между производительной силой общества и его потребностями. При наличии такого соответствия или равновесия товары обменивались бы по количеству труда затраченного на их производство. Труд однако только постольку вообще создает стоимость, поскольку он является общественно-необходимым, т. е., по Плеханову, поскольку он создает продукты, необходимые обществу. Труд же товаропроизводителей, не знающих характера и размеров общественных потребностей, часто оказывается ненужным, и продукт, произведенный ими, не может быть реализован по его стоимости. Отклонение цен от стоимости, показывая отношение количества произведенных продуктов данного рода к общественной потребности в них, тем самым показывает товаропроизводителям, куда, в какую отрасль производства им следует направить свой труд, чтобы он был общественно-необходимым и чтобы за него можно было получить полный эквивалент.

В коммунистическом обществе труд не может, по Плеханову, не быть общественно-необходимым в указанном смысле, так как он планомерно распределяется здесь между отдельными отраслями производства соответ-

ственно учтенным и точно известным общественным потребностям. Поэтому всякий труд является тут «стоимостеобразующим» трудом, и закон стоимости не нуждается для своего проявления во вспомогательном механизме колеблющихся вокруг стоимости цен. Правда, в коммунистическом обществе нет и обмена, заменяющегося тут непосредственным распределением, но это не значит, что закон стоимости вообще перестает действовать, это значит лишь, что он действует здесь в отличной от капиталистического общества форме: не в форме меновой стоимости, а непосредственно регулируя планомерное распределение общественного труда между отдельными отраслями производства.

«Чтобы продукты, говорит Плеханов, всегда обменивались один на другой сообразно количеству труда, воплощенного в каждом из них, — другими словами, чтобы закон стоимости не осуществлялся путем постоянного колебания цен, необходима планомерная организация производства. Оно должно быть так организовано, чтобы работа каждого производителя сознательно направлялась на удовлетворение определенной общественной потребности»²¹. Плеханов полагает таким образом, что действие этого закона осуществляется при различных общественных организациях производства в разных формах, и если самый закон стоимости он считает вечным, то зато формы его проявления он считает историческими категориями. Такой исторической категорией, в отличие от стоимости, Плеханов считает в частности меновую стоимость как форму или способ действия закона стоимости в неорганизованном, товарно-капиталистическом обществе.

Меновая ценность, — говорит он, — есть форма, которую принимает действие закона ценности, способ действия этого закона. Она — не более как историческая категория. Но если способ действия названного закона изменяется в зависимости от изменяющихся общественных отношений, то действие его неустранимо, как неустранимо действие вечных законов природы²².

Маркс выводит меновую стоимость из самой субстанции стоимости, считает ее имманентной формой стоимости.

Понимая саму стоимость как категорию историческую, выражающую исторически определенные производственные отношения, как выражение специфически общественного характера частного труда товаропроизводителей, Маркс показывает, что форма проявления стоимости определяется самой ее сущностью, что меновая стоимость является единственно возможной формой проявления стоимости. Плеханов же рассматривает форму стоимости как нечто внешнее по отношению к ее содержанию, независимое от него, безразличное по отношению к нему, проявляя в этом непонимание марксовой диалектики, непонимание диалектического единства содержания и формы и склонность к кантианству.

В рассуждениях Плеханова о законе стоимости как о регуляторе пропорционального распределения труда между отдельными отраслями производства обращает на себя внимание потребительская трактовка общественно-необходимого труда как труда, определяемого потребностями общества в продуктах данного рода, а не труда, необходимого для производства товара при наличных общественно-нормальных условиях производства.

Плеханов знает конечно о марксовом понимании общественно-необхо-

²¹ Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 51—52.

²² Соч., т. XI, стр. 341; разрядка моя.

димого труда и даже ссылается на него²³, но всюду, где он сам говорит об общественно-необходимом труде, и особенно в анализе действия закона стоимости, он имеет в виду труд, количество которого определяется общественной производительностью.

Такое понимание общественно-необходимого труда тесно связано, во-первых, с его механистическим пониманием стоимости как вечной категории, одинаково присущей хозяйству «дикаря», первобытного охотника, простому товарному хозяйству, капитализму и коммунистическому обществу. Если стоимость создается всяким общественно-необходимым трудом, а таковым является труд, производящий необходимые обществу продукты, то ясно, что такой труд, а следовательно и стоимость имеет место в каждом обществе. Мало того, в обществе с товарным (анархическим) производством, где отдельные самостоятельные производители не знают наперед состояния общественных потребностей, труд такого отдельного производителя может иногда оказаться и ненужным для удовлетворения общественных потребностей, излишним, а потому и не создающим стоимости. В коммунистическом же обществе, где производство будет планомерно организовано и труд планово распределен между отдельными отраслями производства соответственно общественным потребностям, всякий и труд станет «стоимостеобразующим» трудом.

Плехановское понимание общественно-необходимого труда тесно связано, во-вторых, с непониманием им того, что капитализм неизбежно вырастает из простого товарного производства и как он из него вырастает. Только при правильном, марксистском понимании общественно-необходимого труда как количества труда, необходимого для производства товара при наличных общественно-нормальных условиях производства, становится понятным, что различная производительность труда отдельных товаропроизводителей и связанные с ней различия в количествах рабочего времени, затрачиваемого ими на производство одинаковых товаров, неизбежно должны привести к имущественному, а впоследствии и к экономическому их расщелению, к превращению одних товаропроизводителей в капиталистов, а других — в пролетариев. При плехановском понимании общественно-необходимого труда эта неизбежность превращения простого товарного производства в капиталистическое не только остается не выявленной, но скорее фактически отрицается, или по крайней мере отрицается связь этого процесса с действием закона стоимости.

Неудивительно, если стоимость из экономического закона движения товарно-капиталистического производства превращается у Плеханова во всеобщий закон пропорционального распределения труда, действующий вечно, во всех общественных формациях. Трактую стоимость как количественную и вечную категорию, Плеханов полагает далее, что политическая экономия изучает не самую объективно существующую стоимость, а лишь ее отражение в человеческом сознании, лишь понятие стоимости. Последнее же в отличие от самой стоимости не вечно, а появляется лишь на определенной ступени развития общественного сознания и связано с развитием товарного производства и обмена. Таким образом не только форма стоимости, но и «понятие стоимости» является, по Плеханову, исторической категорией, в то время как сама стоимость представляет собой категорию вечную.

«Если,—говорит он,—Дикарю-охотнику²⁴ его лук стоил семи дней, а дюжина стрел двух дней труда, то он, разумеется, не ошибется

²³ Соч., т. VI, стр. 82

²⁴ Разрядка моя — И. Б

в определении т р у д о в о й с т о и м о с т и ²⁵ своих стрел и своего лука. Дикарь-охотник знает не хуже г. Воронцова, что производство всякого данного продукта человеческого труда требует затраты известного количества этого труда, и что если это количество труда не затрачено, то продукта совсем не будет или он останется «в з а р о д ы ш е в о м с о с т о я н и и». Это само собою понятно. Но то, что понятно само собою, не делается предметом научного исследования до тех пор, пока в с л е д с т в и е р а с ш и р е н и я у м с т в е н н о г о к р у г о з о р а или усложнения явлений оно не начинает казаться странным и непонятным: удивление есть мать философии, говорил Платон. Сам г. Воронцов справедливо замечает, что «понятие ценности возникло из наблюдения менового хозяйства, что и выражается термином меновой ценности». Вот это-то п о н я т и е , возникшее известным образом и при известных обстоятельствах, и приходилось анализировать экономистам-классикам» ²⁶.

Итак, хотя стоимость существовала и будет существовать вечно, поскольку на производство продуктов всегда приходилось и придется затрачивать определенное количество труда, п о н я т и е с т о и м о с т и возникло в результате развития обмена и наблюдения за связанными с ним явлениями, и только с этого времени стало объектом научного исследования. Плеханов видит в этом повидимому объяснение того факта, что анализ «понятия стоимости», несмотря на вечное существование последней, начался в сравнительно недавнее время, но не видит, что впадает при этом в идеализм, в кантианство, объявляя объектом политической экономии не реальные отношения, выражающиеся в стоимости, но само отражение этих отношений, п о н я т и е стоимости, отрывая «понятие стоимости» от самой стоимости и тем превращая это понятие в самостоятельную сущность, ведущую самостоятельное, независимое от отражаемого в нем объекта, существование. Такой отрыв сознания от бытия вполне соответствует плехановской методологии, согласно которой «движение понятий и явлений совершается в силу противоречий, возникающих в этих явлениях или понятиях по их внутренним законам» ²⁷, согласно которой следовательно развитие понятий происходит независимо от развития явлений, по свойственным самим понятиям внутренним законам.

Как в своем механистическом понимании стоимости, так и в идеалистическом утверждении, будто политическая экономия занимается не самой стоимостью, а лишь «понятием стоимости», имеющим самостоятельное и притом историческое происхождение в отличие от вечного закона стоимости, Плеханов не стоит особняком, а разделяет позиции всех вообще теоретиков II Интернационала, теперешних героев социал-фашизма, которые, подобно Плеханову, эклектически сочетают механицизм с идеализмом, открыто призывая «назад к Канту».

Примечание. Гильфердинг например заявляет, что «противоположность определений товара как потребительной ценности и ценности — это лишь противоположность способов рассмотрения». Каутский же полагает, что «закон стоимости найдет свое осуществление в форме некоей средней также в социалистическом обществе». Такое стирание качественного различия между социализмом и капитализмом, признание стоимости общим законом, действующим как при товарно-капиталистическом производстве, так и при социалистическом — при изменении лишь способа, формы его действия — нужно теоретикам социал-фашизма для того, чтобы свести всю разницу между капитализмом и социализмом к различию между анархией и организованностью и обосновать таким образом теорию «организованного» капитализма, мирного вращения капитализма в социализм.

²⁵ Разрядка моя — И. Б.

²⁶ Соч., т. IX, стр. 87.

²⁷ Соч., т. VI, стр. 402.

Плеханов однако не только занимает общие с другими теоретиками II Интернационала позиции в теории стоимости, но он должен быть по праву признан родоначальником как механистического, так и идеалистического направлений в учении о стоимости, особенно поскольку речь идет о представителях этих направлений в России.

Плеханов раньше Богданова развил свою механистическую теорию стоимости: «Краткий курс экономической науки» А. Богданова вышел первым изданием в 1897 г., между тем как статьи Плеханова о Чернышевском, особенно содержащие критику политико-экономических взглядов последнего, и его работа о Воронцове, в которых полностью развита его (Плеханова) теория стоимости, были опубликованы: первые в 1889—1890 гг., вторая—в 1896 г. Плеханов к тому же гораздо полнее Богданова развил механистическую концепцию товарной стоимости.

Н. И. Бухарин, кладущий в основу своей теории, вместо диалектического материализма, механистический «принцип равновесия», в защиту этого «принципа» прямо призывает авторитет Плеханова. Бухарин, подобно Плеханову, различает «вечные» экономические законы как «логические категории» и исторические экономические законы как формы проявления этих вечных законов.

«Закон пропорциональных трудовых затрат, — говорит Бухарин, — или, для краткости, «закон трудовых затрат» есть необходимое условие общественного равновесия при всех и всяких общественных и исторических формах. Он может иметь разные «формы проявления». В частности в товарном (и товарно-капиталистическом и в любом товарном) обществе он надевает на себя фетишистский костюм закона ценности. В законе ценности нельзя видеть закон трудовых затрат — и только, ибо это значило бы отвлекаться от специфически-исторического значения и характера ценности. Но, с другой стороны, нельзя за общественно-исторической формой проглядывать материально-трудовое содержание этого закона»²⁹. Достаточно сравнить это рассуждение Бухарина с приведенным выше рассуждением Плеханова, о стоимости и меновой стоимости, чтобы убедиться в том, что «закон трудовых затрат» Бухарина является лишь изложенным «собственными словами» законом стоимости Плеханова. «Вечный» закон стоимости Плеханова только переименован Бухариным в «вечный» закон трудовых затрат, «материально-трудовое» содержание же его осталось совершенно то же: это — «закон равновесия», «закон» пропорционального распределения общественного труда между отдельными отраслями производства.

Подобно тому как, по Плеханову, закон ценности проявляется в наиболее чистом виде в социалистическом обществе, где труд распределяется планомерно и потому всегда является общественно-необходимым, «стоимостеобразующим» трудом, по Бухарину, так же «чисто» действует в социалистическом обществе «закон трудовых затрат».

По Бухарину, так же как по Плеханову, «закон трудовых затрат» («закон стоимости» Плеханова), вечный по содержанию, историчен по форме своего проявления. Бухарин следовательно, подобно Плеханову, по-кантиански отрывает форму от содержания, считает форму независимой от содержания, внешней по отношению к нему.

Мы отнюдь не хотим сказать, что т. Бухарин сознательно позаимствовал свой «закон трудовых затрат» у Плеханова, но нам кажется несомненным, что корни бухаринской теории уходят к Плеханову. Бухарин

²⁹ Н. Бухарин, К вопросу о закономерностях переходного периода, стр. 33—35.

только полнее и «последовательнее» Плеханова обосновал и развил общую им концепцию стоимости и, что особенно важно, он сделал из нее непосредственно более решительные выводы. Сводя, подобно Плеханову, различие между капиталистическим и социалистическим производством к различию между анархией и планомерной организованностью, Бухарин прямо пришел к теории организованного капитализма и подробно развил ее, между тем как у Плеханова эта теория встречается еще только в зародышевом состоянии.

Но к Плеханову, как мы сказали, уходят корни не только механистической, но и идеалистической концепции стоимости.

Рубин вообще «сомневается» в историческом существовании простого товарного производства. По его мнению, простое товарное производство представляет собой лишь чисто логическую абстракцию, служащую средством познания капиталистических отношений. Поэтому и переход от трудовой стоимости, или простого товарного хозяйства, к ценам производства, или капиталистическому хозяйству, есть, по Рубину, только «способ понять конкретное, т. е. капиталистическое хозяйство. Это — теоретическая абстракция, а не изображение исторического перехода от простого товарного к капиталистическому хозяйству»³⁰. Поэтому сама «теория трудовой стоимости» есть, по мнению Рубина, «теория простого товарного хозяйства не в том смысле, что она описывает тип хозяйства, предшествовавший капиталистическому, а в том смысле, что она описывает только одну сторону капиталистического хозяйства, а именно, производственные отношения между товаропроизводителями, характеризующие всякое товарное хозяйство»³¹.

Таким образом теория стоимости представляет собой, по Рубину, чистый продукт мышления, «логическую категорию», а не отражение реальной, объективной исторической действительности. Но так же идеалистически, как мы видели, трактует «понятие стоимости», являющееся-де «объектом изучения для политической экономии», и Плеханов.

По Рубину, сам Маркс будто бы различал некоторое вечно е содержание стоимости, именно «социально уравненный труд», могущий принять различные общественные формы, и некоторое «историческое» содержание, именно абстрактный труд как определенную общественную форму «социально-уравненного труда», которая, собственно говоря, и превращает по существу бесформенное, чисто идеальное, вечное содержание стоимости в стоимость, как таковую, т. е. в определенную форму стоимости. Одним словом, в стоимости «вечная» идея «социально-уравненного труда» находит форму своего проявления. Не ясно ли, что Рубин в конце концов занимает в вопросе о содержании и форме стоимости такую же позицию, как и Плеханов, что и он считает содержание стоимости вечным, а исторической лишь форму стоимости? Именно такой смысл имеет его утверждение, что хотя «без формы стоимости нет стоимости как общественного явления», однако «сама эта общественная форма без заполняющего ее трудового содержания становится пустою»³².

«Закон стоимости», — по Рубину так же, как по Плеханову, — «есть закон равновесия товарного общества»³³, а «тенденция к пропорциональному распределению труда между различными сферами производства, в зависимости от общего состояния производительных сил, представляет», — по Рубину так же, как по Плеханову, — «основное явление хозяйственной жизни, подлежащее нашему изуче-

³⁰ Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 219.

³¹ Там же, стр. 217.

³² Там же, стр. 107.

³³ Там же, стр. 61.

нию»³⁴. А так как Рубин, подобно Плеханову, считает капитализм только более «сложной» формой товарного производства, то и он считает «к о л и ч е с т в о т р у д а , о б щ е с т в е н н о - н е о б х о д и м о г о д л я п р о и з в о д с т в а е д и н и ц ы п р о д у к т а . . . и л и с т о и м о с т ь е д и н и ц ы п р о д у к т а . . . о с н о в н о ю р е г у л и р у ю щ е ю в е л и ч и н о ю в с е й с и с т е м ы р а в н о в е с и я к а п и т а л и с т и ч е с к о г о х о з я й с т в а »³⁵, где впрочем закон стоимости действует в несколько измененном виде, именно в форме цен производства³⁶.

И Рубин не просто воспринял теорию стоимости Плеханова, но и дальше «развил» ее, особенно содержащиеся в ней элементы идеализма. Но если коммуниста, т. Бухарина, влияние теории Плеханова только на время свело с правильного партийного пути, то Рубин сознательно и спользовал эту теорию для «обоснования» своей контрреволюционной деятельности и для разлагающего идеологического влияния на некоторые наименее устойчивые прослойки молодых экономистов-марксистов.

Таким образом и механицизм и меньшевистский идеализм в политической экономии своими истоками имеют плехановскую антимарксистскую теорию товара и стоимости.

³⁴ Р у б и н , Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 170.

³⁵ Разрядка моя — И. Б.

³⁶ Там же, стр. 177—178, 199 и др.